

Молодые города: масштабы мест памяти

Наталья Веселкова

Кандидат социологических наук, доцент департамента политологии и социологии
Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Адрес: ул. Мира, д. 19, Екатеринбург, Российская Федерация 620002
E-mail: vesselkova@yandex.ru

Михаил Вандышев

Кандидат социологических наук, доцент, департамент политологии и социологии
Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Адрес: ул. Мира, д. 19, Екатеринбург, Российская Федерация 620002
E-mail: m.n.vandyshov@gmail.com

Елена Прямикова

Доктор социологических наук, заведующая кафедрой социологии и политологии
факультета социологии Уральского государственного педагогического университета
Адрес: ул. Космонавтов, д. 26, Екатеринбург, Российская Федерация 620017
E-mail: pryamikova@yandex.ru

Считается, что построенные в советский период города обладают «короткой историей». Индустриальная «специализация» Урала способствовала тому, что многие советские поселения по сей день остаются моногородами. При изучении мест памяти таких поселений был разработан подход, объединяющий теоретические ресурсы исследований памяти и масштабов. Места памяти анализируются: а) во временных и пространственных координатах, т. е. одновременно «вглубь истории» и «вширь географии»; б) в представлениях горожан. На материалах эмпирического исследования в городах Качканар, Красноурьинск, Лесной, Заречный рассматриваются два измерения масштабов: 1) мировой и национальный и 2) региональный и городской. Как показало исследование, наибольшей временной глубиной, вплоть до столетий и тысячелетий, обладают места памяти регионального масштаба, в других случаях память простирается не далее биографии двух-трех поколений. Большие масштабы обеспечивают жителям маленького поселения портал в большой мир, помогая ощущать связь с другими городами и странами. Места памяти локального масштаба символически связывают людей в единую общность, пунктирно задавая общее понимание пространства и локальную компетентность. Предметом являлась актуальная память, т. е. значимое сегодня прошлое. Основной метод сбора информации — go-along интервью, т. е. прогулка или поездка по городу, когда информант по просьбе исследователя показывает свой город. Использовался также исследовательский фотомэппинг — фотографирование по ходу интервью (включая не только то, на чем информанты акцентировали внимание, но и то, что они «пропускали») и во время самостоятельных прогулок по изучаемым

© Веселкова Н. В., 2017

© Вандышев М. Н., 2017

© Прямикова Е. В., 2017

© Центр фундаментальной социологии, 2017

DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-36-65

городам. Всего по выборке максимальной вариации проведено 41 интервью с участниками в возрасте от 13 до 77 лет. Мы не спрашивали об истории, пока участники сами не выходили на эту тему. В заключении приведены аналитические ловушки, унаследованные подходом масштабов мест памяти от исходных концепций, а также возможности их преодоления и перспективы дальнейших исследований: изучение масштабирования как процесса, идущего сверху и снизу, целенаправленно и стихийно, официально и неформально. Особый интерес представляют эпизоды пересечения масштабов, скольжение мест памяти по шкалам, фиксируемое через эффекты преуменьшения и преувеличения масштаба.

Ключевые слова: масштаб, ремасштабирование, места памяти, социальная память, моногород, Урал

Широко обсуждаемый сегодня запрос на далекое прошлое, актуализированный «новым режимом времени» (Ассман, 2012), сталкивается с фрагментарностью и обрывами исторической памяти (ср.: Рождественская, Семенова, 2011), образуя заметный дискурс в социально-гуманитарном знании. Здесь одной из наиболее известных и влиятельных, несмотря на критику (см., напр.: Джадт, 2011; Rothberg, 2010), остается концепция мест памяти (Nora, 1996; Нора, 1999). Наше исследование в молодых уральских городах¹ подтвердило репутацию данной теории в том, что касается определения и каталогизации мест памяти. Скорее безвестные, нежели знаменитые, молодые поселения, как будет показано ниже, пестуют свою память отнюдь не строго «соразмерно» чину: то совершают дерзкие прорывы в большой мир, то лелеют какие-то детали как сугубо местные. Одновременно трансформируется, казалось бы, неизменная на протяжении длительного периода конструкция соподчиненности уровней мест и пространств — от городского, регионального до национального и глобального (общемирового). «Малые» масштабы обнаруживают растущую самостоятельность и в то же время новую зависимость от «больших».

Названные аналитические течения — исследований памяти и определения масштабов — до сих пор не пересекались. Наша идея состоит в том, чтобы объединить эти две логики и рассматривать места памяти с точки зрения их масштабирования. Собственно, методология мест памяти и увязывала их изначально с масштабом — общенациональным французским, и уже в дальнейшем она получила развитие в применении к другим размерностям, от локальных до глобальных (см., напр.: Баранов, 2013). Представление о том, что одни места обладают значимостью для всех «времен и народов», другие — уже не для всех, третьи — для немногих, предполагает статичное существование объектов меморизации на изолированных друг от друга шкалах. Мы предлагаем сфокусировать внимание

1. Исследовательский проект «Места памяти в молодых уральских городах: особенности построения идентичности» реализован при финансовой поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда и Правительства Свердловской области, № 13-13-66010, 2013–2014 гг.

на взаимодействии масштабов — разномасштабности², анализируя, как одни и те же объекты одновременно или последовательно могут находиться на разных шкалах. Исследовательский вопрос состоит в том, каким образом, становясь местами памяти, один и тот же человек, событие, артефакт или территория приобретают различные ранги на временных и пространственных шкалах?

«Короткая история» и места памяти

Молодые уральские города — построенные в советский период поселения городского типа — представляют собой, пожалуй, предельный случай «короткой истории» (Трубина, 2013). Богатое прошлое Урала (Чаиркина и др., 2012; Chairkina, 2014) масштабируется порою так же невнятно, как и его территориальный статус. Хорошей иллюстрацией «блуждающего» масштаба является позиционирование Большого Шигирского идола. Его обнаружили в конце XIX века на Среднем Урале, на территории нынешней Свердловской области (Шорин, 2001). По результатам последнего обследования Шигирский идол признан самой древней деревянной скульптурой в мире, превосходящей возрастом, как писал научно-популярный журнал *Discover*, и Стоунхендж, и египетские пирамиды. Начинается же сие громкое сообщение с того, что памятник был найден... в Западной Сибири (Engelking, 2015; no: Liesowska, 2015) — весьма характерный случай отнесения Урала к Сибири как более «понятному» крупному региону.

Ведущая свой счет с XVII века деревня Калата, неподалеку от которой в Шигирском торфянике среди массы других находок извлекли части идола, в 1932 году стала городом. А с 1935 года, как и многие места в советской стране, она носит имя С. М. Кирова — революционера и государственного деятеля, никак не связанного со здешними краями. Вряд ли название «Кировград» сегодня ассоциируется с трагической гибелью Кирова, однако формально топоним закрепляет советскую историю места, тогда как о родстве с уникальным наследием 11-тысячелетней давности не говорит ничего, как будто место не способно удержать столь длинную память.

Есть много примеров того, как на постсоциалистическом пространстве в меморативной конкуренции побеждает мощный комплекс советской семантики, но и ее власть не всеобъемлюща — масштаб памяти продолжает съезживаться, а событийный ряд разрывается и на гораздо более коротких дистанциях — менее ста лет. Премевшие когда-то на всю страну, да и за ее пределами новые города вроде Магнитогорска ныне известны лишь на региональном уровне (Тимофеев, 2014). При этом возникают новые символические цепочки, как в случае с музыкой Г. Свиридова к фильму 1960-х годов «Время, вперед!» по одноименному роману

2. Е. Трубина использует сходный термин «полимасштабность», но для исследований городской политики и имея в виду то, как «перекликаются между собой процессы, разворачивающиеся в разных масштабах» (Трубина, 2016: 67).

В. Катаева о Магнитострое (1932)³. Ритм сюиты прекрасно выражает напряжение индустриализации, ускоренные темпы первых пятилеток. В позднесоветский период эта мелодия ежедневно «неслась» из каждого телевизора в качестве заставки к программе «Время», а в 2014 году она прозвучала на весь мир в художественной реконструкции исторического процесса на открытии XXII зимних Олимпийских игр в Сочи. Правда, узнаваемая музыка теперь едва ли напоминает о Магнитострое, она давно оторвалась от изначальных референтов и живет сама по себе.

Подобные символы эпохи мы и будем рассматривать в качестве мест памяти, с учетом содержательных акцентов и рамок референции — социальных рамок памяти, в терминологии М. Хальбвакса (Halbwachs, 1980), особенностей коммуникативной и культурной, официальной и неофициальной памяти по Яну и Алейде Ассман (Ассман, 2004; Ассман, 2014). Таким образом, мы отталкиваемся от хорошо известных теорий, миновавших период бурного обсуждения⁴, однако не просто применяем их к своему материалу. Эмпирика играет генеративную роль, участвуя в порождении новой теоретической рамки. Сохраняя общий посыл, внесем ряд методологических пояснений, необходимых для раскрытия темы.

Во-первых, мы рассматриваем места памяти прежде всего как дискурсивные конструкции в опыте города. Это означает, что если какие-то вехи, ранее накопленные смыслы выпали из актуального дискурса изучаемых городов, то никакие монументы или топонимы не в состоянии превратить их в места памяти. При этом способ работы с эмпирическим материалом — интервью и документами — накладывает свой отпечаток (как будет показано далее)⁵.

Во-вторых, у П. Нора и его коллег места памяти — это смысловые концентраты, одни из которых являются местами в привычном «географическом» понимании, другие — скорее в метафорическом (как «солдат Шовен», Жанна д'Арк или «галантность»). В нашем случае «негеографические» места, скажем, знаменитые земляки, как правило, приобретали территориальную заземленность, ситуативно привязываясь к той или иной точке города в ходе интервью. С одной стороны, это заслуга метода go-along, нацеленного на изучение опыта города в процессе перемещения от одного места к другому, в жесткой привязке к наблюдаемому «здесь-и-сейчас». С другой — и сам Нора указывал на тесное переплетение материального, символического и функционального аспектов мест памяти (Нора, 1999: 40).

В-третьих, теряет остроту и знаменитое деление Я. Ассмана (Ассман, 2004): рассказ в ходе прогулки или поездки по городу практически соединяет коммуни-

3. В. Катаев, в свою очередь, использовал в названии романа слова из «Марша времени» в пьесе В. Маяковского «Баня» (1929) (см.: Ганжа, 2014; 2013).

4. Или еще не вступивших в него, как, должно быть, справедливо будет сказать об идеях А. Ассман.

5. Более формализованные интервью по квотной выборке и анкетирование, возможно, зафиксировали бы упоминания о стелах Ленинскому комсомолу в Качканаре, «Солнечные часы» в Лесном, мимо которых наши информанты проходили, словно не видя их, однако подобные методы решали бы совсем иные задачи — рейтинг популярности заранее определенных мест, вариации по социально-демографическим группам и т. п.

кативный формат памяти (устное проговаривание, апелляция к собственным воспоминаниям, опыту знакомых, родственников) с культурным, когда нас приводят к мемориалам, советуют непременно посетить музей или ссылаются на сюжеты СМИ.

Кажущееся стирание концептуальных различий не означает утраты познавательной силы используемых теорий; напротив, наблюдаемое сближение материального и символического, коммуникативного и культурного позволяет проследить актуальное взаимодействие различных аспектов коммеморации.

В-четвертых, для анализа изменений доказала свою продуктивность работа с этапами жизненного цикла мест памяти: а) первоначальная креативная фаза; б) институционализация и рутинизация; в) трансформация или исчезновение по Дж. Уинтеру (Winter, 2008)⁶. Изменчивость, понимаемая в нашем случае как (ре)масштабирование, помогает снизить издержки справедливо критикуемой «станциональной концептуализации памяти через явления и места» (Олик, 2012) и сделать шаг в сторону процессуальной трактовки через динамику и относительность.

Места памяти обнаруживают себя в конкретном смысловом пространстве, созданном усилиями горожан. Таким образом, под местом памяти мы понимаем совокупность пересекающихся и воспроизводящихся смыслов, образующих символический фон присвоения/отторжения территории собственного проживания, обеспечивающих включенность жителей малого города в более широкий социальный и исторический контекст. В нашем исследовании все виды мест памяти рассматриваются как территориально укорененные.

Разномасштабность: определение подхода

Обычно размерности времени и пространства рассматриваются отдельно и под водительством разных дисциплин. С точки зрения временной «глубины» классикой разномасштабности можно считать деление на «почти неподвижную», «величавую и неспешную» *longue durée*, медленную историю структур и событийную историю кратковременных, резких, пульсирующих колебаний Ф. Броделя (Бродель, 2002 [1949]), социологически развитую Ж. Гурвичем в его «спектре социального времени» (Gurvitch, 1955; 1964).

Применительно к пространству обсуждение ремасштабирования (rescaling) активизировалось на рубеже XX–XXI веков исследователями глобализации и неолиберализма, на волне концептуализации «глокализации» (см., напр.: Uitermark, 2002: 750–751). Географы проблематизируют масштабирование с точки зрения социального конструирования, иерархичности и отношений власти, внося в них диахронное, историческое измерение (Brenner, 1999; Marston, 2000; Marston, Smith,

6. Благодарим к.и.н. Ф. Николаи за указание на эту работу, см. также: (Уинтер, 2016). (Дж. Уинтер, кстати, использует намеренно заузуженное понимание мест памяти как только территориально воплощенных мемориалов и др. мест поминовения.)

2001; Uitermark, 2002; Swyngedouw, 2004; Isin, 2007). Отдавая должное вкладу географической науки, заметим, что подобная работа с масштабами/шкалами вышла за ее пределы и сегодня активно используется другими социально-гуманитарными дисциплинами. Для развития нашей темы важно внимание к темпоральной размерности шкалы событий в городском пространстве, анализ скалярных стратегий (Rannila, 2011) и мультискалярных эффектов (Giovanardi, 2015; Shinetal, 2015; Trubina, 2012; Трубина, 2016). Отдельный интерес представляет направление критических топонимических исследований с развиваемой в нем идеей скалярной политики топонимии (Rose-Redwood, Alderman, 2011; Hagen, 2011; Tucker, Rose-Redwood, 2015; Терентьев, 2014; 2015). Так, Д. Алдерман использует понятие «масштабирования памяти» (scaling of memory) для анализа топонимической работы, в частности по присвоению имени Мартина Лютера Кинга улицам в американских городах. Масштабирование памяти в данном случае означает «социально оспариваемый процесс определения того, в каком географическом масштабе следует увековечить память об этом борце за гражданские права» (Alderman, 2003: 164); для российских городов подобный анализ производят Р. Абрамов и Е. Терентьев (Абрамов, Терентьев, 2014).

Рассмотрение мест памяти на предмет масштабирования является попыткой настройки исследовательской оптики одновременно «вглубь истории» и «вширь географии». Отсюда центральное понятие *масштабов мест памяти* выражает пространственно-временные размерности социальных рамок референции явлений, ставших основой меморизации.

Кроме того, представляется актуальным различать масштабирование меморизации: а) целенаправленное и скорее «стихийное», а также б) осуществляемое сверху либо снизу. Первый аспект, но без определения масштабов, есть у П. Коннертона (Connerton, 2009), который разводит целенаправленно создаваемые мемориалы (памятники, музеи и т. п.) и места, постепенно и «непреднамеренно» накапливающие свой капитал памяти (дома, улицы и т. п.)⁷. Примером того, как к названным аспектам подключается эффект масштаба, может служить следующий сюжет из истории Качканара. В конце 1950-х комсомольские и партийные органы призывали молодежь ехать в уральскую тайгу на строительство Качканарского комбината (КГОК), уподобляя его Магнитке и Комсомольску-на-Амуре. Символический капитал памяти о легендарных молодежных стройках первых пятилеток инвестировался в масштабирование Качканара (Веселкова 2016; Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016): еще вчера безвестный, он целенаправленно выводился на всесоюзную карту. Важность КГОКа определялась сверху на уровне всей страны, впоследствии масштаб значимости съезжился в силу произошедших макроизменений, и сегодня память о том, что уральский Качканар был всесоюзной комсомольской стройкой, отнюдь не охватывает всей страны — да и страны-то той уже нет, как нет и комсомола.

7. Последнее близко Хальбваксовым «The Stones of the City» (Halbwachs, 1980: 131–134).

Целенаправленные действия по определению масштаба не являются монополией верховных инстанций, что убедительно показывают, в частности, исследования гражданских инициатив в области скалярной политики (grass roots scalar politics) (Hoogesteger, Verzijl, 2015; Maher, Carruthers, 2014).

В то же время многие исследования масштабов до сих пор грешат, согласимся здесь с наблюдением Э. Нильсена и К. Симонсен, «иерархическим» видением «масштабирования сверху» (Nielsen, Simonsen, 2003). В нашем случае принципиальной установкой является рассмотрение мест памяти «снизу», из перспективы «обычных» горожан (ср.: Winter, 2008).

Таким образом, наш подход заключается в том, чтобы анализировать масштабирование мест памяти: а) во временных и пространственных координатах и б) в представлениях горожан.

Четыре молодых уральских города: характеристика поля

Индустриальная «специализация» Урала суть интенсификация внутренней колонизации, начатой в Российской империи и продолжающейся в современной России (Etkind, 2011; Эткинд, 2014; Эткинд, Уффельманн, Кукулин, 2012; Dukes, 2015), способствовала тому, что многие советские стройки по сей день остаются индустриальными моногородами⁸. К их числу относятся и Качканар, Краснотурьинск, Лесной и Заречный — четыре поселения Свердловской области, в которых осуществлялась полевая работа.

Предметом являлась актуальная память, т. е. значимое сегодня прошлое. Основной метод сбора информации — go-along интервью, прогулка или поездка по городу, когда информант по просьбе исследователя показывает свой город⁹. Всего по выборке максимальной вариации проведено 41 интервью с участниками в возрасте от 13 до 77 лет. Мы не спрашивали об истории, пока участники сами не выходили на эту тему. Полевые материалы дополнялись материалами областных архивов и СМИ (подробнее см.: Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016: 42–70).

Дадим краткую характеристику городам — участникам исследования (табл. 1). Все четыре расположены в Свердловской области и представляют собой неболь-

8. Предшественником современного моногорода можно считать характерный для Урала XVIII–XIX веков город-завод (см.: Анимича и др., 2004). Новым этапом стали ускоренная социалистическая индустриализация и урбанизация, воплотившие модернистские устремления XX века с поправкой на российские социально-экономические условия и большевистскую идеологию (о параллели между заложенным в 1906 году в штате Индиана городом Гэри и задуманным по его образцу уральским Магнитогорском см.: Dukes, 2015). В 2016 году около трети российских муниципалитетов (более трехсот) официально оставались монопрофильными, при этом каждый пятый моногород находится на Урале (Правительство РФ, 2014; Фонд развития моногородов, 2016; Тургель, 2010; Тургель и др., 2016; Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2012; Маслова, 2011; Тульчинский, 2011).

9. Использовался также исследовательский фотомэппинг — фотографирование по ходу интервью (включая не только то, на чем информанты акцентировали внимание, но и то, что они «пропускали») и во время самостоятельных прогулок по изучаемым городам (подробнее о методическом дизайне см.: Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016).

шие по численности поселения, жизнь которых зависит от единственного градообразующего предприятия.

Таблица 1. Характеристика изучаемых молодых уральских городов

Город	Градообразующее предприятие	Дата основания (начало строительства градообразующего предприятия)	Дата присвоения статуса города	Расстояние от областного центра — Екатеринбург	Численность населения (2015 г.), человек
Качканар	Качканарский горно-обогатительный комбинат (КГОК)	1957	1968	Около 260 км	40 036
Заречный	Белоярская атомная электростанция (БАЭС)	1955	1992	Около 50 км	27 619
Лесной (Свердловск-45)	Комбинат «Электромприбор»	1947	1954	Около 230 км	49 338
Красноурьинск	Богословский алюминиевый завод (БАЗ)	1942	1944	Около 400 км	58 581

Красноурьинск получил статус города уже в 1944 году благодаря ускоренному строительству Богословского алюминиевого завода (БАЗ) близ поселка Турьинские Рудники. В наши дни город остается «формальной и неформальной столицей» севера Свердловской области (Аверкиева и др., 2015), однако его социально-экономическое положение — наиболее напряженное из всех изучаемых городов из-за закрытия («консервации») в 2013 году алюминиевого производства на БАЗе.

В 1947 году в рамках реализации советского атомного проекта начинается строительство секретного производства и будущего г. Лесного возле поселка Нижняя Тура. До 1994 года Лесной даже под условным именем «Свердловск-45» не указывался на картах. Оба города, Красноурьинск и Лесной, закладывались в суровых условиях военных и послевоенных лет, при значительном использовании принудительного труда. Сегодня Лесной остается закрытым административно-территориальным образованием с градообразующим предприятием в системе госкорпорации «Росатом». К ней же относится и Белоярская атомная электростанция в г. Заречный. От трех других изучаемых городов Заречный отличается близостью к областному центру, небольшой, но стабильной тенденцией к увеличению численности населения.

Основанный в 1957 году Качканар — самый молодой город Свердловской области, «город юности». Продукция КГОКа призвана была вдохнуть новую жизнь в уральскую металлургию, которая к 1960-м годам уже исчерпала местные рудные запасы и начала деградировать. В настоящее время градообразующие предприятия Красноурьинска и Качканара принадлежат крупным частным холдингам.

Ни один из этих четырех городов никогда не гремел на всю страну и тем более мир, они относятся к числу героев второго плана, скорее даже массовки. Что же представляют собой места памяти в таких поселениях и как они масштабируются? (Ставя этот вопрос, мы стремимся продемонстрировать прежде всего, как работает предложенный подход, и не преследуем цели дать полную картину всех типов мест памяти.)

Масштабы памяти: большие и малые

Исследование обнаружило разнообразие масштабов мест памяти, из которых выделим общемировой и общенациональный, а также масштабы региона и города. Их временная глубина обычно не выходит за пределы советского прошлого, однако в ряде случаев может простираться гораздо дальше, вплоть до нескольких тысячелетий. Частично перекрываясь, все масштабы прошиты индивидуально-биографическим измерением, которое мы здесь отдельно не рассматриваем (ср.: Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016: 233–275).

Мировой масштаб и масштаб страны

Не скупясь на идентификации своего города как маленького и молодого, где все друг друга знают и за час все можно обойти, участники исследования в то же время уверенно говорят о его значимости, выходящей далеко за пределы маленькой территории и короткой истории:

У нас знаменитый, мне кажется, город, вообще в стране, не только в стране, вообще в мире, потому что у нас очень много выезжают людей за границу, занимают места призовые. (КЖ17)¹⁰

Можно было предположить, что за «расширение» моногородов до мировых масштабов отвечают градообразующие предприятия. В Качканаре действительно упоминали историю о том, как «Голос Америки» отреагировал на пуск КГОКа язвительным сообщением, что заработал завод по выпуску щебня¹¹. Предполагается, что за граница пристально следила за происходящим и сразу отметила открытие комбината, сарказм же вполне соответствует духу холодной войны. В то же время это едва ли не единственный сюжет в интервью, где предприятие вплеталось бы в международный контекст.

10. Цитаты из интервью здесь и далее даются с кодировкой, где первая буква означает город: К — Качканар, З — Заречный, Л — Лесной, Кр — Краснотурьинск; вторая буква означает пол информанта: М — мужской, Ж — женский; цифры — возраст информанта. Например КЖ17 — 17-летняя жительница Качканара.

11. Щебень действительно является сопутствующей продукцией КГОКа (основная — железная руда, преобразуемая в агломерат и окатыши). В. Денисов считает подоплекой сарказма низкое содержание железа в качканарской породе и комментирует данный эпизод, подчеркивая смелость самого решения о грандиозном строительстве в таких условиях (Денисов, 2010).

В представлениях горожан, на мировую карту их города выводят не предприятия, а замечательные земляки, что видно и по вышеприведенной выдержке из интервью. Нам рассказывали про цирковую студию: «Она вообще вот знаменитая на весь мир даже, потому что они были и в Монако, и везде, и у них очень много званий» (ЗЖ36), об актерах, певцах и музыкантах. Часто в роли мировых знаменитостей — номинантов на места памяти соответствующего ранга — выступают спортсмены: «Город воспитал 9 олимпийских чемпионов, 48 чемпионов России и мира, то есть в этом плане у нас Лесной очень знаменит» (ЛМ26). Огромных размеров портреты олимпийцев украшают торцы домов на центральной улице Лесного (рис. 1). «Наши земляки на аренах мирового спорта» — гласит надпись на стенде с фотографиями, к которому нас подводили информанты (рис. 2).

Рисунок 1. Портреты олимпийцев, г. Лесной, во время интервью ЛЖ41

Рисунок 2. «Наши земляки на аренах мирового спорта», г. Лесной, во время интервью ЛЖ27

«Прелесть» рекордов хорошо объяснили П. Вайль и А. Генис: «Спортивные кумиры ближе и понятнее других — политиков, писателей, ученых. Чемпионы делают то же, что от природы умеет каждый, просто лучше» (Вайль, Генис, 2013: 240). А для жителей маленького города, как кажется, прославленные земляки оказываются еще ближе просто в силу компактности социального пространства. В Лесном разные люди говорили о том, что кто-то учился в той же школе, что и известный «в мировом масштабе» (ЛЖЗо) олимпийский чемпион по плаванию А. Попов, кто-то занимался у одного с ним тренера.

В Краснотурьинске гордятся своим А. Поповым — родившимся в этих краях изобретателем радио: «это тоже все-таки гордость, это мирового [уровня]», 75-летний информант акцентировал личную причастность, рассказав, как ему «от горкома поручали... завезти подарки двум дочерям» Попова в Ленинграде (КрМ75). В молодых городах и знаменитости относительно молоды, благодаря чему столь хорошо работают горизонтальные механизмы коммуникативной памяти.

Люди говорят о мировом масштабе в своей собственной логике, однако опираются при этом на некие общепринятые, официально заданные ориентиры, к тому же нередко материально воплощенные в пространстве города. Это дает основания говорить о значимости систематических усилий по масштабированию «сверху». Так, в Краснотурьинске уже в 1945 году отцы новообразованного города пытались конвертировать символический капитал «родины творца радио А.С. Попова» в финансовый и материальный. В связи с 50-летием изобретения радио председателю Совнаркома СССР Сталину было адресовано письмо с просьбой о содействии в строительстве бани, театра, библиотеки, водопровода, благоустройстве дорог, доставке рентгенооборудования и т. п.; имя Попова на двух с половиной страницах названо трижды. Год спустя подобный документ будет направлен в союзные министерства и Свердловский облисполком¹², а в 1949 году именем Попова будут продвигать сплошную радиофикацию города.

В конце 1950-х годов в Краснотурьинске открыли музей и памятник — мемориалы как места памяти по П. Коннертону (Connerton, 2009). Несмотря на признание мирового статуса Попова, его бюст установили хотя и неподалеку от центра города, но не на центральной площади, которую в 1963 году увенчает, согласно советской табели о рангах, большая скульптура Ленина. Зато фотооткрытка 1964 года (рис. 3) помещает Попова в середину монтажной композиции, «возвращая» ему тем самым подобающее центральное место.

12. Письмо Председателю Совета народных комиссаров И. В. Сталину, б.д., не ранее 07.05.45, не позднее 25.07.45, письмо министру цветной металлургии СССР тов. Ломако П. Ф., министру строительства предприятий тяжелой индустрии СССР тов. Юдину А. П., Председателю исполнительного комитета Свердловского областного совета депутатов трудящихся тов. Ситникову Г.С. 23.10.46. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 949. Оп. 1. Д. 9а. Л. 24–26, 28–30.

Рисунок 3. «Виды Кrasnotурьинска — родины изобретателя радио А. С. Попова». 1964 г.
Государственный архив Свердловской области. Ф. 1. Оп. 30. Л. П-2817

По схеме Уинтера место памяти «изобретатель радио Попов» находится в стадии институционализации и рутинизации. Тот факт, что о нем взахлеб говорят и стар и млад, свидетельствует о произошедшей на стыке коммуникативной (личная сопричастность) и культурной (памятник, музей) памяти собственно символической капитализации. Другими словами, это живое место памяти, обеспечивающее краснотурьинцам портал в мировую культуру. Вместе с тем в плане современной туристической привлекательности оно порождает скепсис:

То, что здесь Попов родился, изобретатель, один из изобретателей радио, это, конечно, славно. Но я думаю, мало кто захочет, даже в туристических целях ехать сюда из-за этого. Чтобы посмотреть его дом, где он жил, собственно. К тому же Попов, он всё-таки вызывает споры как изобретатель радио. (КрМ25)

Как видим, мировой масштаб активно проговаривается, но не с теми интонациями, которые стали привычными в связи с глобализацией как процессом интеграции различных аспектов жизни стран мира. Когда-то героически возводимые, до сих пор сохраняющие статус градообразующих во многих городах, предприятия изучаемых поселений сегодня принадлежат крупным холдингам. Их «глобальность» воспринимается если не причиной бед, как в случае с краснотурьинским БАЗом, то источником зависимости и отчуждения одновременно, поскольку тесно сращенное с городом предприятие изымается из него, становясь звеном в большой сети почти обезличенных экстерриториальных корпораций.

По мнению информантов, однако, не глобальные процессы приходят в уральские города, а, наоборот, выдающиеся уральцы выходят в большой мир, а малая родина благодарно греется в лучах их славы. Конкуренция в первенстве открытия радио, собственно, как раз и есть эффект глобализации, который либо игнориру-

ется, либо, как в приведенной выдержке, считается противоречащим принятому статусу своего изобретателя Попова. Таким образом, «мировое» несколько отличается от «глобального» (во всяком случае, возникает необходимость в уточнениях) и актуализируется вектор от локального к мировому, а не наоборот. Есть и еще один аспект различия глобального и мирового. Если в концепции Д. Леви и Н. Шнайдера (Levy, Sznajder, 2001) глобальность памяти завязана на трагический опыт и обеспечивается современными медиа (см. также: Александер, 2013), то в зафиксированных нами сюжетах фигурирует другое основание — мировая значимость достижений уроженцев здешних мест.

Для небольшого «затерянного в тайге» поселения (так СМИ называли изучаемые города в пору их юности) очень важно иметь способы расширения вовне, как и наличный опыт управления масштабами. Именно эту потребность удовлетворяют знаменитости «не городского масштаба, а дальше» (КрЖ77). Кроме того, на наш взгляд, память о земляках-спортсменах, изобретателях и музыкантах помогает преодолеть односторонность города при заводе, насыщая его столь дефицитным в монопоселении разнообразием. Воспринимаемая близость к знаменитому земляку помещает уральский город на пересечение общемирового и частно-биографического масштабов.

Официально закрепленные и вернакулярные имена городов, улиц и площадей, парков, стадионов, других значимых объектов имеют эффект канонизации и реификации определенного исторического нарратива, осуществляя таким образом контроль над пространством и временем, ландшафтом и историей (ср.: Light et al., 2002: 135–136). Заречный хранит память о временах побратимства с Таховским районом Чехословакии (Параскивиди, 2012) в названии гостиницы «Тахов» и Таховского бульвара: «мы обменивались. Там постоянно наши ездили в Тахов, из Тахова к нам ездили» (ЗЖ18). Другой слой памяти акцентирует не международные связи, а утраченное сегодня процветание:

Когда-то это была самая такая всеобщая торговая зона... вдоль всей улицы куча магазинов, центральный магазин там, Дом торговли. Вообще Таховский бульвар у нас когда-то был основным бульваром, то есть там отдыхала молодежь... и более взрослые люди. (ЗМ23)

В этих высказываниях устами двадцатилетних воспроизводятся важные аспекты специфически советского мироустройства: необычность контактов с заграницей (чехи как люди «с другой планеты», согласно одному из воспоминаний [Параскивиди, 2012]), особая роль торговли при всеобщем дефиците — Заречный благодаря БАЭС заметно выделялся хорошим снабжением.

Современные критические топонимические исследования привлекают внимание к идеологическому, а также расовому, гендерному и коммодифицирующему производству ландшафтов (Rose-Redwood et al., 2010: 457). На постсоциалистическом пространстве больше всего бросается в глаза, конечно, идеологическая ком-

понента названий. Созданные в 1940–1950-е годы, наши молодые города, безусловно, воплотили в своем облике стиль большой советской истории (ср.: Рожанский, 2013). В частности, эта связь работает через запечатление в урбанонимах факта участия в его создании людей из разных концов страны. Так, краснотурьинцы с гордостью называют свой город «маленьким Ленинградом»: центральная площадь с полукруглыми зданиями и трехлучием улиц напоминает очертаниями северную столицу. Масштаб краснотурьинского места памяти не дотягивается до XVIII века, когда Санкт-Петербург обрел свой «трезубец» сходящихся у Адмиралтейства главных улиц и, чуть позднее, изгиб Главного штаба на Дворцовой площади, включенной ныне в список *всемирного* наследия. Тем не менее в проектировании Краснотурьинска участвовали ленинградские архитекторы, и именно этот масштаб советской эпохи закрепляет вернакулярное имя «маленький Ленинград».

В Заречном название улицы Ленинградской первоначально тоже вплеталось в советский героико-романтический нарратив ударной стройки Белоярской ГРЭС, куда в 1956 году прибыло около четырехсот ленинградцев: «погрузились на автомашины, и с песнями под баян и гитару нас повезли на стройку... Разместили в вагончиках... установленных в 2 ряда и назвали улицу Ленинградской» (Захаров, 2011). Сегодня в изложении 18-летней жительницы Заречного в этой истории на первый план уверенно выступает уже Санкт-Петербург:

А вы знаете, почему улица Ленинградская — улица Ленинградская? <...> Вообще изначально эта улица называлась не улицей, а линией. Потому что сюда же приезжало очень много народа из Санкт-Петербурга, в то время это Ленинград был. И здесь в основном жили из Питера люди. И назвали «линия», потому что у них же там линии, а не улицы. (ЗЖ18)

По Уинтеру, происходит трансформация (третья фаза) места памяти «улица Ленинградская», когда официальный топоним и его смысл еще сохраняются, но уже заметно теснятся новыми словами «Санкт-Петербург» и «Питер». Думается, здесь мы имеем дело с очень интересным феноменом, когда изменение семантических акцентов увеличивает временную глубину. Ведь если «Ленинград» принадлежит к шкале советского периода, то «Санкт-Петербург» задает уже более широкие рамки референции, а возможная, но (пока) никак не артикулированная связь краснотурьинского трехлучия с версальскими и римскими — почему бы и нет? — прообразами обозначила бы совсем иные горизонты.

В целом же память о том, из каких далеких и замечательных мест приезжали строители, помещает уральский городок в центр внимания всей страны. Накапливаясь, этот опыт включенности так же, как и авторитет известного имени, превращается в символический капитал молодого поселения.

Локальное: регион и город

Значимость «принадлежащих» молодым городам мест памяти для мира и страны, как мы видели, в рассказах горожан обладает небольшой временной глубиной, в пределах «рукопожатий» двух-трех поколений. Более серьезная длительность рифмуется, как показало исследование, с локальным масштабом.

В Заречном нам поведали о найденном неподалеку древнем поселении Боярка I (см.: Чаиркина и др., 2005; Старостин, 2002; Чирков, 2002; Горохова, 2015):

А еще у нас в Боярке вот если вот там вот так вот прямо проехать, там будет большой мост, на Екатеринбург дорога. И вот возле этой дороги нашли древнее-древнее-древнее поселение... святое место, как Аркаим, такое же место у нас, представляете? ...В нашей школе работала женщина, которая занималась исследованием нашей местности. Там тоже производились раскопки, были найдены предметы быта... пиктограммы были найдены. (ЗЖ18)

Пожалуй, это единственный сюжет в интервью, когда конкретная местность («у нас», подчеркивает информантка) обнаружила зашкаливающую временную глубину — «древнее-древнее-древнее». Симптоматично, что 4000-летний Аркаим на Южном Урале, с которым девушка сравнивает свою Боярку, имеет статус историко-культурного заповедника *областного* значения. Как Краснотурьинск с его замечательной площадью проговаривает родство лишь с советским Ленинградом, так и Боярка с Аркаимом претендуют на значимость лишь на местном уровне. Самим своим бытованием и в народной молве, и в официальных полномочиях (областной статус Аркаима закреплен в Уставе заповедника [Аркаим, 2016]) эти места словно преуменьшают собственный масштаб¹³.

Описания Урала в интервью фактически воспроизводят сложившийся еще в XIX веке геокультурный образ (Абашеев, 2016; ср.: Анимича, Власова, 2016), в котором восхищение природой совмещается с прагматикой ее эксплуатации (Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2016). Под наслоениями XX века открывается «сырьевой край... с историей и природой всей», «древняя история» тут глубиной в несколько столетий — «основа старательская вся», когда «тут платину, золото» добывали (КМ59).

Горнозаводскую «суть» региона воплощает краеведческий музей, в тематический спектр которого обязательно входят «минералы»: «Есть, естественно, зал с уральскими камнями. Это же Урал! Здесь же добыча. Различные минералы» (ЛЖ28). Во время интервью участница привезла исследователя в удаленный уголок Лесного, чтобы показать:

13. На примере Аркаима специалисты анализируют и прямо противоположный феномен преувеличения масштабов — в терминах В. Шнирельмана, это «мегаломания» и «гиперболизация культурного значения» с этноцентрическим уклоном. Согласно этой точке зрения, распространению далекого от науки «романтизированного» представления об Аркаиме отчасти способствовали сами археологи, сначала для защиты от грозившего ему затопления при строительстве водохранилища, но также и по другим причинам, включая неумение общаться с журналистами (Шнирельман, 2014; Куприянова, 2014).

Прямо Урал-Урал, т.е. тут горы, скалы, пруд есть свой, речка. Карьер... Вот этот вот, по моему мнению, наверное, самое такое уральское-уральское. (ЛЖ28)

Этот образ, в котором тесно переплелись рукотворное и нерукотворное, встречается в разных интервью: «промышленность, геология» (КМ59), горы и пруд, карьер — все вместе и составляет исконный (стереотипный) «Урал-Урал».

В отличие от региона, у населенного пункта, как правило, есть четкая дата основания, и здесь очень важным оказывается, с какими именно событиями и даже территориями готовы себя идентифицировать его жители. Идеология социалистического города провозглашала принципиальный отрыв от прошлого, поэтому вся история молодого поселения — это только его собственная история, начатая с нулевой отметки. Однако в материалах исследования, порою даже в пределах одного интервью, проступает развилка — между «новым началом» (Ассман, 2012), 50–70 лет назад на голом месте, и включенностью в более широкие пространственно-временные контексты. К примеру, Лесной уверенно масштабируется относительно себя самого, так что «очень-очень старыми» предстают улицы и строения времен основания, как образованная в 1949 году ул. Мамина-Сибиряка. И тут же атомград будто хочет слиться с Нижней Турой, где «очень красивые памятники» и когда-то производили якоря «для старинных... кораблей» (ЛЖ30), как если бы молодому поселению было тесно в официально отведенных границах пространства и времени.

Масштаб города обыгрывает (не)уникальность локального. Распознавание уникального требует особой компетентности: когда бы не настойчивые указания информантов, мы вряд ли смогли бы оценить особые 12-этажки Качканара или оранжевый цвет Заречного (рис. 4).

Рисунок 4. Оранжевые фонари, г. Заречный, во время интервью ЗЖ21

Для зареченцев оранжевый — не просто «цвет позитива» (ЗМ23), они считают его своей достопримечательностью и видят повсюду:

Даже мусорки у нас оранжевого цвета. И даже есть местная группа... у них в песне есть: «Это город оранжевых фонарей». (ЗЖ18)

Масштабирование в качестве уникально-зареченского в данном случае происходит как целенаправленно, так и стихийно, и сверху, и снизу: официальная версия ставит окраску фонарей в заслугу одному из мэров (Параскивиди, 2014), неофициальная — связывает с традиционным зареченским карнавалом и известной шоу-группой «Уральские пельмени»:

В один год, я еще маленькая была, [на карнавал] приезжали «Уральские пельмени». Мне, наверно, лет 10 было тогда или 8. И был открытый микрофон, задавали горожане свои вопросы. И одна маленькая девочка спросила: «А почему у вас рубашки оранжевые, как наши столбы?» На что один из «пельменей» ответил, что они ночью по столбам нашим лазили. И все, и — «город оранжевых фонарей». Ну, мне кажется, у нас только перед карнавалом цвет у них обновляют, чтобы они были сочными. (ЗЖ21)

Временная глубина этого места памяти, как показывает цитата, соразмерна биографии двадцатилетних горожан. Поскольку зареченцы считают свой карнавал событием как минимум регионального значения, это придает дополнительный вес оранжевому колориту, как бы увеличивая его масштаб.

Есть и обратная закономерность, когда позиционирование какого-то явления в качестве уникального, присущего только этому месту, происходит за счет уменьшения масштаба. Так, в Качканаре цифровое обозначение адреса без названия улицы, но по номеру микрорайона составляет предмет гордости как нечто отличающее качканарцев от обитателей других городов. Удивление посторонних, о котором нам тоже говорили, подчеркивает весомость локальной компетентности. Вместе с тем номерное именование мест — распространенная во всем мире практика¹⁴, хорошо знакомая и в уральских поселениях. В Лесном до сих пор сохранилось обозначение ряда территорий как номерных кварталов. В Краснотурьинске подобная практика сошла на нет, стирая память о том, что некоторые районы идентифицировались по номерам отрядов трудовой армии, относившейся к ГУЛАГу.

Наряду с уникальностью наши информанты подчеркивают и типологические черты своих городов. Скептически настроенный молодой человек из Лесного считает, что его «хороший и милый городишко... ничем не отличается от других», вроде Березовского или Среднеуральска, кроме административного статуса.

14. Критический анализ кажущейся нейтральной практики номерной топонимики см.: Rose-Redwood et al., 2010; Rose-Redwood, Alderman, 2011.

А с закрытыми городами у Лесного и административный статус одинаков, что делает последствия унификации особенно заметными:

Города строились в общем в одно и то же время по очень похожим генпланам...кинотеатр «Ретро» по Ленина у нас находится, так вот в Сарове... точно такое же здание кинотеатра стоит, но у них это называется Дом культуры, а у нас кинотеатр (усмехается). Вполне возможно, что у них есть такое же здание, как у нас называется Дом культуры — а у них оно называется кино-театром. (ЛМ27).

Подчеркивание стандартности, одинаковости выполняет идентификационную функцию, помогая отнести населенный пункт к определенной категории: закрытый, малый, советский:

У нас есть Дом культуры «Современник» в центре города, он во всех закрытых городах один и тот же. Желтое здание с белыми колоннами, в центре площади Ленин», «они типовые в закрытых городах... Снежинск, Трехгорный, там то же самое, точно такой же Дом культуры, точно такой же Ленин, по-моему, стоит. Ну и много очень похожих зданий. (ЛМ27)

Заключение: подводные камни и перспективы

Взгляд на места памяти сквозь масштабирование демонстрирует их разнопорядковость и изменчивость, а также привлекает внимание к самой логике определения масштаба. В период закладки изучаемых городов непомерные усилия оправдывались высокой целью, смысл конкретных работ и следующей за ним по пятам меморизации превосходили то, что непосредственно осуществлялось на месте. Строительство алюминиевого завода в Краснотурьинске под лозунгом «Все для фронта, все для победы!» считалось жизненно важным для всей страны, а если учесть мировой характер войны, то и всего мира. Качканарская стройка, быстро исчерпавшая местные трудовые ресурсы, была объявлена всесоюзной комсомольской, тем самым расширив свой масштаб до всей страны.

Мировой и национальный масштабы позволяют жителям небольших молодых поселений ощущать связь с другими городами и странами, причастность большой истории. Мировое в данном случае не тождественно глобальному. Глобализация приходит через включение градообразующих предприятий в крупные промышленные холдинги, делая уральские моногорода зависимыми от мировой экономической конъюнктуры. Они начинают испытывать на себе риски, генерируемые за их пределами, когда экономическое положение в большей степени зависит от биржевых котировок, чем от собственной активности предприятия, как было в случае с краснотурьинским БАЗом. Глобальных в этом смысле мест памяти нам не встретилось — потому ли, что эти процессы не обрели еще нужных очертаний, в силу неприязни ли к ним горожан, но максимальный — мировой — масштаб памяти

связан не с корпорациями, его воплощают чаще всего знаменитые спортсмены или деятели науки и культуры.

Места памяти локального масштаба символически связывают людей в единую территориальную общность, пунктирно задавая общее понимание пространства и локальную компетентность. Такие места памяти могут показаться удручающе одинаковыми в разных городах: одни и те же названия улиц, похожие памятники, типовая архитектура и пр. В то же время каждый городской контекст порождает и уникальные конструкты вроде зареченских оранжевых фонарей, правда, трудноразличимые для новичков, не обладающих локальной компетентностью.

С точки зрения временной глубины самыми мощными оказались места памяти, аккумулирующие семантику уральского региона, здесь счет идет на столетия и тысячелетия. Более крупные масштабы страны и мира, как и более мелкий масштаб города, оперируют куда более скромной временной шкалой, в пределах биографии двух-трех поколений.

Таким образом, наш подход продемонстрировал возможности работы с пространственно-временными размерностями, но также высветил и ограничения, присущие исходным исследовательским традициям. В концепции мест памяти к таковым относится, во-первых, приоритет положительно заряженной памяти. Как и у П. Нора, в наших интервью едва ли не все места предстают как места славы, тогда как «трудные места памяти» (Кочеляева, 2015) присутствуют отрывочно и малосвязно.

Во-вторых, ограничением выступает ригидность мест памяти, в трактовке П. Нора представляющих собой мумифицированные останки некогда живых воспоминаний (Нора, 1999: 26–27). Наше утверждение про «живое место памяти» в этой логике становится противоречием в определении. Справиться с данной трудностью помогает смена фокуса с коллизии «история vs память» на коллизии в устройстве самой социальной памяти: «коммуникативная vs культурная», «официальная vs неофициальная» и т. п. Место памяти «изобретатель радио Попов», как было показано, делает живым именно баланс коммуникативной и культурной памяти. Статичность исходного понятия мест памяти преодолевается через обращение к этапам жизненного цикла, одной трехчастной схемы, правда, недостаточно, чтобы эффективно отслеживать возникающие и затухающие констелляции памяти.

Встроенной опасностью скалярного подхода, как хорошо показано в гуманитарной географии (Marstonetal, 2005; Kaiser, Nikiforova, 2008), является воспроизводство иерархий, тяготеющее к онтологизации масштабов и закреплению познавательной оптики «сверху вниз». Противовесом онтологизации служит внимание к конструируемости мест памяти на той или иной шкале, происходящее целенаправленно или стихийно, сверху или снизу. Антидотом против натурализации иерархизирующего взгляда с верхних этажей выступает изучение ситуации с позиции «обычных» горожан и снова различение масштабирования сверху и снизу.

Наконец, существует соблазн отождествлять большие масштабы с официальной культурной памятью, противопоставляя им «memory talks» неофициальной коммуникативной памяти в пределах маленького поселения (как это получилось, например, в исследовании Кэтрин Дегнен (Degnen, 2005)). Наши сюжеты показывают, что большая временная глубина и всемирная значимость вполне могут корениться, «жить» и в связях лично-биографической размерности.

Очевидно, что все это не фатальные угрозы и внимание к подобным ловушкам помогает обогатить изучаемую картину, делая ее более объемной. С учетом обозначенных подводных камней в рамках предложенного подхода весьма перспективным видится изучение масштабирования как процесса, идущего сверху и снизу, целенаправленно и стихийно, официально и неформально. Особый интерес представляют эпизоды пересечения масштабов, скольжение мест памяти по шкалам, фиксируемое через эффекты преуменьшения и преувеличения масштаба. Сформированная на этом этапе методологическая рамка нуждается в теоретической «доводке» и эмпирической проверке на других материалах, однако в целом представляется весьма перспективной.

Литература

- Абашев В. В. (2016). Увидеть Урал: ландшафтные описания Вас. И. Немировича-Данченко и Д. Н. Мамина-Сибиряка // Уральский исторический вестник. № 1. С. 25–31.
- Абрамов Р., Терентьев Е. (2014). Символическое пространство культуры памяти: два топонимических кейса // ИНТЕР. № 8. С. 73–85.
- Аверкиева К. В., Антонов Е. В., Денисов Е. А., Фаддеев А. М. (2015). Территориальная структура городской системы севера Свердловской области // Известия РАН. Серия географическая. № 4. С. 24–38.
- Александр Дж. (2013). Смыслы социальной жизни: культурсоциология / Пер. с англ. Г. К. Ольховикова под ред. Д. Ю. Куракина. М.: Праксис.
- Анимица Е. Г., Власова Н. Ю. (2016). Эволюция и основные составляющие образа Урала // Географический вестник. № 3. С. 28–35.
- Анимица Е., Дворядкина Е., Некрасов В. (2004). Горнозаводские города: научно теоретические аспекты исследования. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та.
- Аркаим. (2016). Устав областного государственного бюджетного учреждения культуры «Челябинский государственный историко-культурный заповедник „Аркаим“». URL: http://www.arkaim-center.ru/informacia_ob_uchrezdenii/ (дата доступа: 23.12.2016).
- Ассман А. (2012). Трансформации нового режима времени / Пер. с англ. Вл. Кучерявкина под ред. А. Скидана // Новое литературное обозрение. № 4. С. 16–31.
- Ассман А. (2014). Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение.

- Ассман Я. (2004). Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры.
- Баранов Н. Н. (2013). «Места памяти»: успешная реконструкция в европейском издательском проекте // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. № 3. С. 273–280.
- Бродель Ф. (2002). Предисловие к первому изданию // Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1: Роль среды / Пер. с франц. М. А. Юсима. М.: Языки славянской культуры. С. 15–23.
- Вайль П., Генис А. (2013). 60-е: мир советского человека. М.: АСТ, CORPUS.
- Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. (2012). Практика жизнеобеспечения населения моногородов: между прошлым и будущим // Развитие городов в условиях глобализации. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та. С. 113–118.
- Веселкова Н. В. (2016). Кто знает ваш Качканар? Труды и дни уральского моногорода // Лабиринт. № 3–4. С. 50–61.
- Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., Вандышев М. Н. (2016). Места памяти в молодых городах. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.
- Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. (2016). Дискурс природы в молодых городах // Социологическое обозрение. Т. 15. № 1. С. 112–133.
- Ганжа А. (2014). Тематизация времени в советской массовой песне // Логос. № 3. С. 41–66.
- Ганжа А. (2013). «Легендарного времени крестники»: рождение советского универсализма из рефлексии коллективного погружения в обновляющую стихию темпорального // Глушченко И. В., Куренной В. А. (ред.). Время, вперед! Культурная политика в СССР. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ. С. 95–107.
- Горохова Т. (2015). Вот моя деревня — вот мой край родной // Зареченская ярмарка. 17 сентября. № 38.
- Денисов В. (2010). Качканар — достояние России // Наш современник. № 6. С. 248–259.
- Джадт Т. (2011). «Места памяти» Пьера Нора: Чьи места? Чья память? // Семенов А. М., Герасимов И. В., Могильнер М. Б. (ред.). Империя и нация в зеркале исторической памяти. М.: Новое издательство. С. 45–74.
- Захаров Д. (2011). Любопытное прошлое (какими они были, первые строители Заречного) // Зареченская ярмарка. 18 августа. № 33. URL: http://zar-yarmarka.ru/2011/33/Kakimi_oni_bili,_pervie_stroiteli_Zarechnogo (дата доступа: 22.12.2016).
- Кочеляева Н. А. (2015). Методология работы с культурой памяти: «трудные места» и их представление в публичном пространстве // Божков О. Б. (ред.). Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? Материалы VIII социологических чтений памяти В. Б. Голофаства. СПб.: Эйдос. С. 104–109.

- Куприянова Е. В.* (2014). Поселение Аркаим и популяризация археологии на Южном Урале (к вопросу о проблемах взаимодействия науки и массового сознания) // *Этнографическое обозрение*. № 5. С. 146–161.
- Маслова А. Н.* (2011). Моногорода в России: проблемы и решения // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. Т. 4. № 5. С. 16–28.
- Нора П.* (1999). Проблематика мест памяти // *Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М.* Франция—память / Пер. с франц. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та. С. 17–50.
- Олик Дж.* (2012). Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / Пер. с англ. Д. О. Хлевнюк // *Социологическое обозрение*. Т. 11. № 1. С. 40–74.
- Параскивиди Е.* (2012). Чешский брат Заречного // *Зареченская ярмарка*. 26 апреля. № 17.
- Параскивиди Е.* (2014). 1996 год — оранжевые фонари Карпеича и тюльпаны на улицах // *Зареченская ярмарка*. 2 октября. № 40.
- Правительство Российской Федерации. (2014). Перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). Утвержден распоряжением Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р. URL: <http://government.ru/media/files/41d4f68fb74d798eae71.pdf> (дата доступа: 23.12.2016).
- Рожанский М.* (2013). Деколонизация городского пространства: топонимия // *Пугачева М. Г., Жарков В. П.* (ред.). Пути России: историзация социального опыта. М.: Новое литературное обозрение. С. 9–32.
- Рождественская Е. Ю., Семенова В. В.* (2011). Социальная память как объект социологического изучения // *ИНТЕР*. № 6. С. 27–48.
- Старостин А.* (2002). «Такие находки для нас ценнее клада!» // *Областная газета*. 14 августа. № 167.
- Терентьев Е. А.* (2014). Топонимические практики как объект социологического исследования: аналитический обзор // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Социология. №. 3. С. 73–86.
- Терентьев Е. А.* (2015). Переименование советских топонимов в Санкт-Петербурге: анализ публичных дискуссий // *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. 18. № 2. С. 72–86.
- Тимофеев М. Ю.* (2014). «Советский город»: инструкция по эксплуатации // *Липатова Н. В.* (ред.). Региональная идентичность в историческом и культурном пространстве России: VIII Сытинские чтения: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти историка С. Л. Сытина (Ульяновск, 25–26 сентября 2014 г.). Ч. 1. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения. С. 108–113.
- Трубина Е. Г.* (2013). Примиряясь с упадком: руины 2.0 // *Неприкосновенный запас*. № 3. С. 175–194.

- Трубина Е. Г. (2016). Жизнестойкость и ее обсуждение в российском и зарубежном социально-гуманитарном знании // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. Т. 11. № 3. С. 65–77.
- Тульчинский Г. Л. (2011). От «спасения» и выживания к инновационному развитию: социальное партнерство как основа решения проблемы моногородов // Муниципальная власть. № 2. С. 36–40.
- Тургель И. Д. (2010). Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию. Екатеринбург: Изд-во РАГС.
- Тургель И. Д., Божко Л. Л., Линьшии С. (2016). Государственная поддержка развития моногородов России и Казахстана // Вестник финансового университета. № 2. С. 22–32.
- Уинтер Дж. (2016). Война, память, воспоминание / Пер. с англ. А. Хазиной и Ф. Николаи // Диалог со временем. № 56. С. 5–15.
- Фонд развития моногородов. (2016). URL: <http://www.frmrus.ru/> (дата доступа: 23.12.2016).
- Чаиркина Н. М., Кузьмина А. С., Шорин А. Ф. (2005). Поселение Боярка I // Археологические открытия 2004 года. М.: Наука. С. 150–151.
- Чаиркина Н. М., Широков В. Н., Шорин А. Ф. (2012). Урал в контексте древне-го историко-культурного наследия Северной Евразии // Алексеев В. В. (ред.). Стратегия и практика исследовательского поиска в отечественной истории: региональный аспект: Материалы научной конференции. Екатеринбург: Изд-во АМБ. С. 161–169.
- Чирков С. (2002). Боярка — поселение древних // Уральский рабочий. 24 июля. № 135. С. 3.
- Шнирельман В. А. (2014). Аркаим и Стоунхендж между прошлым и будущим // Этнографическое обозрение. № 5. С. 19–40.
- Шорин А. Ф. (ред.). (2001). Археологические памятники Шигирского торфяника. Екатеринбург: Банк культурной информации.
- Эткинд А. (2014). Внутренняя колонизация: имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение.
- Эткинд А., Уффельманн Д., Кукулин И. (ред.). (2012). Там, внутри: практики внутренней колонизации в культурной истории России. М.: Новое литературное обозрение.
- Alderman D. H. (2003). Street Names and the Scaling of Memory: The Politics of Commemorating Martin Luther King Jr. within the African American Community // Area. Vol. 35. № 2. P. 163–173.
- Brenner B. (1999). Globalisation as Reterritorialisation: The Re-scaling of Urban Governance in the European Union // Urban Studies. Vol. 36. № 3. P. 431–451.
- Chairkina N. M. (2014). Anthropomorphic Wooden Figures from the Trans-Urals // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. Vol. 42. № 1. P. 81–89.
- Connerton P. (2009). How Modernity Forgets. Cambridge: Cambridge University Press.

- Degnén C.* (2005). Relationality, Place and Absence: A Three-Dimensional Perspective on Social Memory // *Sociological Review*. Vol. 53. № 4. P. 729–744.
- Dukes P.* (2015). *A History of the Urals: Russia's Crucible from Early Empire to the Post-Soviet Era*. London: Bloomsbury.
- Engelking C.* (2015). AWESOME! Mysterious Wooden Statue Predates Stonehenge, the Pyramids! // *Discover*. September 2. URL: <http://blogs.discovermagazine.com/d-brief/2015/09/02/mysterious-wooden-statue/#.WGIFKNKLSoo> (дата доступа: 21.12.2016).
- Etkind A.* (2011). *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. Cambridge: Polity Press.
- Giovanardi M.* (2015). A Multi-Scalar Approach to Place Branding: The 150th Anniversary of Italian Unification in Turin // *European Planning Studies*. Vol. 23. № 3. P. 597–615.
- Gurvitch G.* (1955). *Déterminismes sociaux et liberté humaine*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Gurvitch G.* (1964). *The Spectrum of Social Time*. Dordrecht: D. Reidel.
- Hagen J.* (2011). Theorizing Scale in Critical Place-Name Studies. // *ACME*. Vol. 10. № 1. P. 23–27.
- Halbwachs M.* (1980). *The Collective Memory* / Transl. F. J. Ditter Jr., V. Y. Ditter. New York: Harper & Row.
- Hoogesteger J., Verzijl A.* (2015). Grassroots Scalar Politics: Insights from Peasant Water Struggles in the Ecuadorian and Peruvian Andes // *Geoforum*. Vol. 62. P. 13–23.
- Isin E. F.* (2007). City. State: Critique of Scalar Thought // *Citizenship Studies*. Vol. 11. № 2. P. 211–228.
- Kaiser R., Nikiforova E.* (2008). The Performativity of Scale: The Social Construction of Scale Effects in Narva, Estonia // *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 26. № 3. P. 537–562.
- Levy D., Sznajder N.* (2001). *Erinnerung im globalen Zeitalter: Der Holocaust*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Liesowska A.* (2015). Shigir Idol is Oldest Wooden Sculpture Monument in the World, Say Scientists // *The Siberian Times*. 26 August.
- Light D., Nicolae I., Suditu B.* (2002). Toponymy and the Communist city: Street names in Bucharest, 1948–1965 // *GeoJournal*. Vol. 56. № 2. P. 135–144.
- Maher K. H., Carruthers D.* (2014). Urban Image Work // *Urban Affairs Review*. Vol. 50. № 2. P. 244–268.
- Marston S. A.* (2000). The Social Construction of Scale // *Progress in Human Geography*. Vol. 24. № 2. P. 219–242.
- Marston S. A., Jones J. P. III, Woodward K.* (2005). Human Geography without Scale // *Transactions of the Institute of British Geographers, New Series*. Vol. 30. № 4. P. 416–432.
- Marston S. A., Smith N.* (2001). States, Scales and Households: Limits to Scale Thinking? A Response to Brenner // *Progress in Human Geography*. Vol. 25. № 4. P. 615–620.

- Nielsen E. H., Simonsen K.* (2003). Scaling from «Below»: Practices, Strategies and Urban Spaces // *European Planning Studies*. Vol. 11. № 8. P. 911–927.
- Nora P.* (1996). General Introduction: Between Memory and History // *Nora P.* (ed.). *Realms of Memory: Rethinking the French Past*. Vol. 1. New York: Columbia University Press. P. 1–20.
- Rannila P.* (2011). Scale and the Construction of Urban Space: Temporary Re-scaling in Lahti, Finland, during the European Union Meeting of 2006 // *Norwegian Journal of Geography*. Vol. 65. № 2. P. 93–103.
- Rose-Redwood R., Alderman D.* (2011). Critical Interventions in Political Toponymy // *ACME*. Vol. 10. № 1. P. 1–6.
- Rose-Redwood R., Alderman D. H., Azaryahu M.* (2010). Geographies of Toponymic Inscription: New Directions in Critical Place-Name Studies // *Progress in Human Geography*. Vol. 34. № 4. P. 453–470.
- Rothberg M.* (2010). Introduction: Between Memory and Memory: From lieux de mémoire to noeuds de mémoire // *Yale French Studies*. № 118–119. P. 3–12.
- Shin H., Park S. H., Sonn J. W.* (2015). The Emergence of a Multiscalar Growth Regime and Scalar Tension: The Politics of Urban Development in Songdo New City, South Korea // *Environment and Planning C: Government and Policy*. Vol. 33. № 6. P. 1618–1638.
- Swyngedouw E.* (2004). Scaled Geographies: Nature, Place and the Politics of Scale // *Sheppard E., McMaster R.* (eds.). *Scale and Geographic Inquiry*. Malden: Blackwell. P. 129–153.
- Tucker B., Rose-Redwood R.* (2015). Decolonizing the Map? Toponymic Politics and the Rescaling of the Salish Sea // *Canadian Geographer*. Vol. 59. № 2. P. 194–206.
- Trubina E.* (2012). International Events in the Non-capital Post-Soviet City: Between Place-Making and Recentralization // *Region*. Vol. 1. № 2. P. 231–253.
- Uitermark J.* (2002). Re-scaling, «Scale Fragmentation» and the Regulation of Antagonistic Relationships // *Progress in Human Geography*. Vol. 26. № 6. P. 743–765.
- Veselkova N., Pryamikova E., Vandyshv M.* (2011). Social Construction of «Monotown» Space: Between Human and Non-Human // *Gibas P., Pauknerová K., Stella M.* (eds.). *Non-Humans in Social Science: Animals, Spaces, Things*. Červený Kostelec: Pavel Mervant. P. 151–168.
- Winter J.* (2008). Sites of Memory and the Shadow of War // *Erl A., Nünning A.* (eds.). *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin: De Gruyter. P. 61–74.

Young Towns: Scaling Sites of Memory

Natalya Veselkova

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Applied Social Studies, Ural Federal University
Address: Mira Str., 19, Ekaterinburg, Russian Federation 620002
E-mail: vesselkova@yandex.ru

Mikhail Vandyshev

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Applied Social Studies, Ural Federal University
Address: Mira str., 19, Ekaterinburg, Russian Federation 620002
E-mail: m.n.vandyshev@gmail.com

Elena Pryamikova

Doctor of Sociological Sciences, Head of the Chair of Social and Political Studies, Ural State Pedagogical University
Address: Prospekt Kosmonavtov, 26, Ekaterinburg, Russian Federation 620017
E-mail: pryamikova@yandex.ru

It has been assumed to regard young towns built during Soviet times as possessing only a “short history”. To deal with the sites of memory of such settlements, an especial research approach is elaborated integrating both theoretical resources of memory studies and scale studies. According to this approach, sites of memory are analyzed as a), in temporal and space coordinates, and b), from the perspective of “ordinary” people. Two groups of scales, 1) worldwide and national, and 2) regional and urban, are considered as the materials of the empirical research in the four young Ural towns of Kachkanar, Krasnoturinsk, Lesnoy, and Zarechny. The main methods of data-gathering were go-along interviewing and photo mapping. The data sources include the archives of the local, regional, and central printed presses, archival documents including minutes of Communist Party meetings, the official website of each town, and others. As our research has shown, the most time-depth, up to centuries and millennia, is characteristic of the sites of memory on a regional scale; in other cases, memory extends no further than the biography of two or three generations. Large scales provide the residents of small settlements with a portal to the big world, helping them to feel a connectedness with other cities and countries. Local-scale sites of memory symbolically unites people in a single community, allowing a shared perception of space and local competence. In conclusion, the analytical traps inherited from the original concepts are discussed as well as the opportunities to overcome them and the prospects for further research, such as the study of scaling as a process, coming from above and below, purposefully and spontaneously, or formally and informally. Of particular interest are the scales intersections, the slip of the sites of memory on the scales, and the fixing by the effects of understatement and exaggeration of scale (scale-ups and scale-downs).

Keywords: scale, rescaling, sites of memory, social memory, mono-town, Ural

References

- Abashev V. (2016) Uvidet' Ural: landshaftnyye opisaniya Vas. I. Nemirovicha-Danchenko i D. N. Mamina-Sibiryaka [See the Ural: Landscape Descriptions by V. Nemirovich-Danchenko and D. Mamin-Sibiryak]. *Uralsky istorichesky vestnik*, no 1, pp. 25–31.
- Abramov R., Terentyev E. (2014) Simvolicheskoye prostranstvo kultury pamyati: dva toponimicheskikh keysa [Symbolic Space of Memory Culture: Two Toponymical Cases]. *INTER*, no 8, pp. 73–85.

- Alderman D. H. (2003) Street Names and the Scaling of Memory: The Politics of Commemorating Martin Luther King Jr. within the African American Community. *AREA*, vol. 35, no 2, pp. 163–173.
- Alexander J. (2013) *Smysly sotsialnoy zhizni: kultursotsiologiya* [The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology], Moscow: Praxis.
- Animitsa E., Vlasova N. (2016) Jevoljucija i osnovnye sostavljajushhie obraza urala [Evolution and Main Components of Image of the Urals]. *Geographical Bulletin*, no 3, pp. 28–35.
- Animitsa E., Dvoryadkina E., Nekrasov V. (2004) *Gornozavodskije goroda: nauchno-teoreticheskiye aspekty issledovaniya* [Mining Industrial Cities: Theoretical Aspects of Scientific Research], Ekaterinburg: Ural State Economic University Press.
- Arkaim (2016) Ustav oblastnogo gosudarstvennogo byudzhethnogo uchrezhdeniya kultury "Chelyabinskij gosudarstvennyy istoriko-kulturnyy zapovednik 'Arkaim'" [Charter of Regional State budgetary Culture Institution "Chelyabinsk State Historical and Cultural Reserve Arkaim"]. Available at: http://www.arkaim-center.ru/informacia_ob_uchrezhdenii/ (accessed 23 December 2016).
- Assmann A. (2014) *Dlinnaya ten proshlogo: memorialnaya kultura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: The Memorial Culture and Historical Policy], Moscow: New Literary Observer.
- Assmann A. (2012) Transformatsii novogo rezhima vremeni [Transformation of the New Time Regime]. *New Literary Observer*, no 4, pp. 16–31.
- Assmann J. (2004) *Kulturnaya pamyat: pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokikh kulturakh drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory about the Past and Political Identity in High Cultures of Ancient Times], Moscow: Languages of Slavic Culture.
- Averkieva K., Antonov E., Denisov E., Faddeev A. (2015) Territorial'naja struktura gorodskoj sistemy severa Sverdlovskoj oblasti [Territorial Structure of the Urban System in the North of Sverdlovsk Region]. *Regional Research of Russia*, vol. 5, no 4, pp. 358–370.
- Baranov N. (2013) "Mesta pamjati": uspeshnaja rekonstrukcija v evropejskom izdatel'skom proekte ["Places of Memory": Successful Reconstruction in a European Publishing Project]. *Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, no 3, pp. 273–280.
- Braudel F. (2002) Predisloviye k pervomu izdaniyu [Preface to the First Edition]. *Sredizemnoye more i sredizemnomorskiy mir v epokhu Filippa II. Ch.1: Rol sredy* [The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II, Part 1: The Role of the Environment], Moscow: Languages of Slavic Culture, pp. 15–23.
- Brenner B. (1999) Globalisation as Reterritorialisation: The Re-scaling of Urban Governance in the European Union. *Urban Studies*, vol. 36, no 3, pp. 431–451.
- Chairkina N. M. (2014) Anthropomorphic Wooden Figures from the Trans-urals. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, vol. 42, no 1, pp. 81–89.
- Chairkina N., Kuzmina A., Shorin A. (2005) Poseleniye Boyarka I [Settlement Boyarka I]. *Arkheologicheskiye otkrytiyaza 2004 g.* [Archaeological Discoveries 2004], Moscow: Nauka, pp. 150–151.
- Chairkina N., Shirokov V., Shorin A. (2012) Ural v kontekste drevnego istoriko-kulturnogo naslediya SevernoyYevrazii [Ural in the Context of Ancient Historical and Cultural Heritage of Northern Eurasia]. *Strategiya i praktika issledovatel'skogo poiska v otechestvennoy istorii: regionalnyy aspekt: Materially nauchnoy konferentsii* [Strategy and Practice of Research in Russian History: Regional Aspect: The Conference Proceedings] (ed. V. Alekseev), Ekaterinburg: AMB, pp. 161–169.
- Chirkov S. (2002) Boyarka — poseleniye drevnikh [Boyarka: An Ancient Settlement]. *Uralskiy rabochy*, July 24, no 135.
- Connerton P. (2009) *How Modernity Forgets*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Degen C. (2005) Relationality, Place and Absence: A Three-Dimensional Perspective on Social Memory. *Sociological Review*, vol. 53, no 4, pp. 729–744.
- Dukes P. (2015) *A History of the Urals: Russia's Crucible from Early Empire to the Post-Soviet Era*, London: Bloomsbury.
- Engelking C. (2015) AWESOME! Mysterious Wooden Statue Predates Stonehenge, the Pyramids! Discover, September 2. Available at: <http://blogs.discovermagazine.com/d-brief/2015/09/02/mysterious-wooden-statue/#.WGIFKNKLSoo> (accessed 21 December 2016).

- Etkind A. (2014) *Vnutrennjaja kolonizacija: imperskij opyt Rossii* [Internal Colonization: Russia's Imperial Experience], Moscow: New Literary Observer.
- Etkind A. (2011) *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*, Cambridge: Polity Press.
- Etkind A., Uffelmann D., Kukulin I. (ed.) (2012) *Tam, vnutri: praktiki vnutrennej kolonizacii v kulturnoj istorii Rossii* [There, Inside: Practices of Internal Colonization in the Russia's Cultural History], Moscow: New Literary Observer.
- Ganzha A. (2013) "Legendarnogo vremeni krestniki": rozhdniye sovetskogo universalizma iz refleksii kolektivnogo pogruzheniya v obnovlyayushchuyu stikhiyu temporalnogo ["The Legendary Time's Godchildren": The Birth of Soviet Universalism from the Reflection on Collective Immersion into the Renewing Substance of Temporality]. *Vremya, vpered! Ku'turnayapolitika v SSSR* [It's Time, Forward! Cultural Policy in the USSR] (eds. I. Glushchenko, V. Kurennoy), Moscow: HSE, pp. 95–107.
- Ganzha A. (2014) Tematizatsiya vremeni v sovetskoy massovoy pesne [Thematization of Time in Soviet Mass Song]. *Logos*, no 3, pp. 41–66.
- Giovanardi M. (2015) A Multi-Scalar Approach to Place Branding: The 150th Anniversary of Italian Unification in Turin. *European Planning Studies*, vol. 23, no 3, pp. 597–615.
- Gorokhova T. (2015) Vot moy derevnya — vot moy kray rodnoy [Here is My Village — This is My Native Land]. *Zarechenskaya yarmarka*, September 17, no 38.
- Government of Russian Federation (2014) Perechen monoprofilnykh munitsipalnykh obrazovaniy Rossiyskoy Federatsii (monogorodov). Utverzhden rasporyazheniyem pravitelstva RF ot 29 iyulya 2014 g. No 1398-r. [List of Single-Industry Municipalities of the Russian Federation (Monotowns). Approved by the RF Government on July 29, 2014 No 1398-p. Available at: <http://government.ru/media/files/41d4f68fb74d798eae71.pdf> (accessed 23 December 2016)].
- Gurvitch G. (1964) *The Spectrum of Social Time*, Dordrecht: D. Reidel.
- Gurvitch G. (1955) *Déterminismes sociaux et liberté humaine*, Paris: Presses Universitaires de France.
- Denisov V. (2010) Kachkanar — dostojanie Rossii [Kachkanar is a Property of Russia]. *Nash sovremennik*, no 6, pp. 248–259.
- Halbwachs M. (1980) *The Collective Memory*, New York: Harper & Row.
- Hoogesteger J., Verzijl A. (2015) Grassroots Scalar Politics: Insights from Peasant Water Struggles in the Ecuadorian and Peruvian Andes. *Geoforum*, vol. 62, pp. 13–23.
- Inis E. F. (2007) City.State: Critique of Scalar Thought. *Citizenship Studies*, vol. 11, no 2, pp. 211–228.
- Judt T. (2011) "Mesta pamjati" Pera Nora: Chji mesta? Chja pamjat? ["Places of Memory" by Pierre Nora: Whose Places? Whose Memory?]. *Imperija i nacija v zerkale istoricheskoy pamjati* [Empire and Nation in the Mirror of Historical Memory] (eds. A. Semenov, I. Gerasimov, M. Mogilner), Moscow: Novoye izdatelstvo, pp. 45–74.
- Kaiser R., Nikiforova E. (2008). The Performativity of Scale: The Social Construction of Scale Effects in Narva, Estonia. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 26, no 3, pp. 537–562.
- Kochelyayeva N. (2015) Metodologiya raboty s kulturoy pamyatyu: "Trudnyye mesta" i ikh predstavleniye v publichnom prostranstve [Methodology of the Work with the Culture of Memory: "Difficult Places" and Their Representation in Public Space]. *Nashe proshloye: nostalgicheskiye vospominaniya ili ugroza budushchemu?* [Our Past: Nostalgic Memories or Threat to the Future?] (ed. O. Bozhkov), Saint Petersburg: Eidos, pp. 104–109.
- Kuprianova E. (2014) Poseleniye Arkaim i populyarizatsiya arkheologii na Yuzhnom Urale (k voprosu o problemakh vzaimodeystviya nauki i massovogo soznaniya) [The Arkaim Site and Popularization of Archaeology in the Southern Urals (On the Issue of Interaction between Science and Mass Consciousness)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no 5, pp. 146–161.
- Liesowska A. (2015) Shigir Idol is Oldest Wooden Sculpture Monument in the World, Say Scientists. *The Siberian Times*, August 26.
- Levy D., Sznajder N. (2001) *Erinnerung im globalen Zeitalter: Der Holocaust*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Light D., Nicolae I., Suditu B. (2002) Toponymy and the Communist City: Street Names in Bucharest, 1948–1965. *GeoJournal*, vol. 56, no 2, pp. 135–144.
- Marston S. A. (2000) The Social Construction of Scale. *Progress in Human Geography*, vol. 24, no 2, pp. 219–242.

- Marston S. A., Smith N. (2001) States, Scales and Households: Limits to Scale Thinking? A Response to Brenner. *Progress in Human Geography*, vol. 25, no 4, pp. 615–620.
- Marston S. A., Jones J. P. III, Woodward K., (2005) Human Geography without Scale. *Transactions of the Institute of British Geographers, New Series*, vol. 30, no 4, pp. 416–432.
- Maslova A. (2011) Monogoroda v Rossii: problem i resheniya [Monotowns in Russia: Problems and Solutions]. *Problem Analysis and Public Management Design*, vol. 4, no 5, pp. 16–28.
- Nielsen E. H., Simonsen K. (2003) Scaling from “Below”: Practices, Strategies and Urban Spaces. *European Planning Studies*, vol. 11, no 8, pp. 911–927.
- Nora P. (1996) General Introduction: Between Memory and History. *Realms of Memory: Rethinking the French Past, Volume 1* (ed. P. Nora), New York: Columbia University Press, pp. 1–20.
- Nora P. (1999) Problematika mest pamyati [The Problem of “Memory Places”]. *Frantsiya-pamat’ [France — Memory]* (ed. P. Nora), Saint Petersburg: SPbSU Press, pp. 17–50.
- Olick J. K. (2012) Figuracii pamjati: processo-reljacionnaja metodologija, iljustriruemaja na primere Germanii [Figurations of Memory: A Process-Relational Methodology Illustrated on the German Case]. *Russian Sociological Review*, vol. 11, no 1, pp. 40–74.
- Paraskividi E. (2012) Cheshskiy brat Zarechnogo [Czech Brother of Zarechny]. *Zarechenskaya yarmarka*, April 26, no 17.
- Paraskividi E. (2014) 1996 god — oranzhevyye fonari Karpeicha i tulpany na ulitsakh [1996 — Karpeich’s Orange Lights and Tulips on the Street]. *Zarechenskaya yarmarka*, October 2, no 40.
- Rannila P. (2011) Scale and the Construction of Urban Space: Temporary Re-scaling in Lahti, Finland, during the European Union Meeting of 2006. *Norsk Geografisk Tidsskrift: Norwegian Journal of Geography*, vol. 65, no 2, pp. 93–103.
- Rose-Redwood R., Alderman D. (2011) Critical Interventions in Political Toponymy. *ACME*, vol. 10, no 1, pp. 1–6.
- Rose-Redwood R., Alderman D. H., Azaryahu M. (2010) Geographies of Toponymic Inscription: New Directions in Critical Place-Name Studies. *Progress in Human Geography*, vol. 34, no 4, pp. 453–470.
- Rothberg M. (2010) Introduction: Between Memory and Memory: From lieux de mémoire to noeuds de mémoire. *Yale French Studies*, no 118–119, pp. 3–12.
- Rozhansky M. (2013) Dekolonizatsiya gorodskogo prostranstva: toponimiya [The Decolonization of Urban Space: Toponymy]. *Puti Rossii: istorizatsiya sotsialnogo opyta [The Ways of Russia: Historicization of Social Experience]* (eds. M. Pugacheva, V. Zharkov), Moscow: New Literary Observer, pp. 9–32.
- Rozhdestvenskaya E., Semenova V. (2011) Sotsialnaya pamyat kak obyekt sotsiologicheskogo izucheniya [Social Memory as an Object of Sociological Research]. *INTER*, no 6, pp. 27–48.
- Shin H., Park S.H., Sonn J.W. (2015) The Emergence of a Multiscalar Growth Regime and Scalar Tension: The Politics of Urban Development in Songdo New City, South Korea. *Environment and Planning C: Government and Policy*, vol. 33, no 6, pp. 1618–1638.
- Shnirelman V. (2014) Arkaim I Stounkhendzh mezhdu proshlym i budushchim [Arkaim and Stonehenge between the Past and the Future]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no 5, pp. 19–40.
- Shorin A. (ed.) (2001) *Arkheologicheskiye pamyatniki Shigirskogo torfyanika [Archaeological Sites of Shigir Peat-Bog]*, Ekaterinburg: Bank kulturnoy informatsii.
- Starostin A. (2002) “Takiye nakhodki dlya nas tsenneye klada!” [“Such Findings are More Valuable for Us than the Treasure!”]. *Oblastnaya gazeta*, August 14, no 167.
- Swyngedouw E. (2004) Scaled Geographies: Nature, Place and the Politics of Scale. *Scale and Geographic Inquiry* (eds. E. Sheppard, R. McMaster), Malden: Blackwell, pp 129–153.
- Terentyev E. (2014) Toponimicheskie praktiki kak objekt sotsiologicheskogo issledovaniya: analiticheskij obzor [Toponimical Practices as an Object of Sociological Study: An Analytical Overview]. *Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Sociology*, no 3, pp. 73–86.
- Terentyev E. (2015) Pereimenovanie sovetских toponimov v Sankt-Peterburge: analiz publicnyh diskussij [Renaming Soviet Toponyms in Saint Petersburg: The Analysis of Public Discussions]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 18, no 2, pp. 72–86.
- Timofeev M. (2014) “Sovetskiy gorod”: instruksiya po ekspluatatsii [“Soviet City”: A Manual]. *Regionalnaya identichnost v istoricheskom i kulturnom prostranstve Rossii. Ch. 1 [Regional Identity*

- in the Historical and Cultural Space of Russia, Part 1] (ed. N. Lipatova), Ulyanovsk, Korporatsiya tekhnologiy prodvizheniya, pp. 108–113.
- Trubina E. (2012) International Events in the Non-capital Post-Soviet City: Between Place-Making and Recentralization. *Region*, vol. 1, no 2, pp. 231–253.
- Trubina E. (2013) Primiryayas s upadkom: ruiny 2.0 [To Reconcile with the Decline: Ruins 2.0] *Neprikosnovenny zapas*, no 3, pp.175–194.
- Trubina E. (2016) Zhiznestoykost i yeye obsuzhdeniye v rossiyskom i zarubezhnom sotsialno-gumanitarnom znanii [The Resilience and It Discussion in the Russian and Foreign Social Science and Humanities]. *Izvestia of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences*, vol. 11, no 3, pp. 65–77.
- Tucker B., Rose-Redwood R. (2015) Decolonizing the Map? Toponymic Politics and the Rescaling of the Salish Sea. *Canadian Geographer: Le Géographe Canadien*, vol. 59, no 2, pp. 194–206.
- Tulchinsky G. (2011) Ot “spaseniya” i vyzhivaniya k innovacionnomu razvitiyu: socialnoe partnerstvo kak osnova resheniya problemy monogorodov [From Survival to Innovative Development: Social Partnership as a Solution to Monotowns Problem]. *Munitsipalnaya vlast*, no 2, pp. 36–40.
- Turgel I. (2010) *Monofunktsionalnyye goroda Rossii: ot vyzhivaniya k ustoychivomu razvitiyu* [Monofunctional Russian Cities: From Survival to Sustainable Development], Ekaterinburg: RAGS.
- Turgel I., Bozhko L., Linshui XU (2016) Gosudarstvennaya podderzhka razvitiya monogorodov Rossii i Kazakhstana [Government Support of Single-Industry Towns in Russia and Kazakhstan]. *Bulletin of Financial University*, no 2, pp. 22–32.
- Uitermark J. (2002) Re-scaling, “Scale Fragmentation” and the Regulation of Antagonistic Relationships. *Progress in Human Geography*, vol. 26, no 6, pp. 743–765.
- Vail P., Genis A. (2013) *60-ye: mir sovetskogo cheloveka* [1960s: The World of Soviet Person], Moscow: AST, CORPUS.
- Vandyshev M., Veselkova N., Pryamikova E. (2012) Praktika zhizneobespecheniya naseleniya monogorodov: mezhdou proshlym i budushchim [The Practice of Life Support of the Population of Monotowns: Between Past and Future]. *Razvitiye gorodov v usloviyakh globalizatsii* [Urban Development in the Context of Globalization], Ekaterinburg: Ural State Economical University, pp. 113–118.
- Veselkova N. (2016) *Kto znaet vash Kachkanar? Trudy i dni ural'skogo monogoroda* [Who Knows Your Kachkanar? Works and Days of Ural Monotown]. *Labyrinth*, no 3–4, pp. 50–61.
- Veselkova N., Pryamikova E., Vandyshev M. (2011) Social Construction of “Monotown” Space: Between Human and Non-Human. *Non-Humans in Social Science: Animals, Spaces, Things* (eds. P. Gibas, K. Pauknerová, M. Stella), Červený Kostelec: Pavel Mervant, pp. 151–168.
- Veselkova N., Pryamikova E., Vandyshev M. (2016) *Mesta pamyati v molodykh gorodakh* [Sites of Memory in Young Towns], Ekaterinburg: Ural University Press.
- Veselkova N., Vandyshev M., Pryamikova E. (2016) Diskurs prirody v molodyh gorodah [The Discourse of Nature in Young Towns]. *Russian Sociological Review*, vol. 15, no 1, pp. 112–133.
- Winter J. (2008) Sites of Memory and the Shadow of War. *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* (eds. A. Erll, A. Nünning), Berlin: De Gruyter, pp. 61–74.
- Winter J. (2016) Voyna, pamyat, vospominaniye [War, Memory, Remembrance]. *Dialogue with Time*, no 56, pp. 5–15.
- Zakharov D. (2011) Lyubopytnoye proshloye (Kakimi oni byli, pervyye stroiteli Zarechnogo) [An Interesting Past (Who They Were, the First Builders of Zarechny)]. *Zarechenskaya yarmarka*, August 18, no 33.